

Жан Марэ в «Орфее» (Orphee, 1950) Жана Кокто

Жан Марэ не случайно сыграл заколдованного принца в «Красавице и чудовище» (1948): на экране он был похож на юного льва. Мощный разлет плеч, крупной лепки голова, обрамленная гривой волос. Герой не от мира сего. Уже потом, в 1950–60-х годах, коммерческое кино растиражирует его в амплуа рыцаря или мушкетера. Но звездой он стал, сыграв в модернизированной версии Тристана и Изольды, «Вечном возвращении» (1943) Жана Деланнуа. А лучшую свою роль исполнил в «Орфее», столь же осовремененной интерпретации мифа о поэте, спустившемся в ад. Орфей-Марэ принимал

«Орфей»

ним человеком». Во всяком случае, он ни в коем случае не лишний для женщин, которые обречены любить именно таких грустных шалопаев, которых можно при случае пожалеть, а при случае в сердцах обзывать клоуном.

Кристоф Ламбер в «Подземке» (Subway, 1985) Люка Бессона

Идеального любовника 1980-х Люк Бессон нашел там, где романтика, казалось бы, и не ночевала: в парижском метро. Бродяга во фраке с копной белых волос, вор по случаю и музыкант в душе, Фред (Ламбер) открывал скучающей богачке Элен (Изабель Аджани) его закоулки, населенные невероятной человеческой фауной.

«Романс»

«Подземка»

«И побежали они»

«Искатели приключений»

«Полеты во сне и наяву»

внимательным для умирающего после сражения с бандитами, разыгравшегося, что забавно, в форте Боярд, Маню, остались слова Ролана, уверившего друга, что Летиция любила именно его. Шестидесятые, конечно, романтическая эпоха, но не до такой же степени. Тем не менее мушкетерский пафос «Искателей приключений», как ни странно, неуязвим для насмешек.

Питер О'Тул в «Трюкаче» (The Stunt Man, 1980) Ричарда Раша

Режиссер Илай Кросс (О'Тул), снимающий кровавый бурлеск о Первой мировой войне, то ли шарлатан, то ли маг, то ли гений, то ли безумец, выскочил на экран, как чертик из коробочки. Одной его мальчишеской улыбки на покрытом шрамами опытного лице было достаточно, чтобы те, над кем он только что зло шутил, шли в огонь и в воду. Он отплясывал джигу на крыле «этажерки», как пьяный бог, и, как бог, был обречен на одиночество. Влюбленным другом в друга актрисе Нине (Барбара Херши) и случайному каскадеру Кэмерону казалось, что он манипулирует ими, но он всего лишь устраивал их счастье, которое ему самому не было суждено.

Олег Янковский в «Полетах во сне и наяву» (1982) Романа Балаяна

Непутевому Сергею Макарову (Янковский) навязывают слишком тяжелую для него ношу символа душевного безвременья, мутная тоска которого гонит его невесть куда, заставляет паясничать, катаясь на воображаемых лыжах, играть в футбол с мальчишками и чуть не погибнуть в отчаянной финальной попытке улететь куда подальше от этого мира. Все это так, но обаяние Олега Янковского слишком велико, чтобы считать его героя просто «лиш-

В самое чрево Парижа он словно свалился с Луны, напавал и дурачился даже сраженный пулей. В нем было мальчишеское обаяние Тарзана, чувствующего себя в городских джунглях так же, как человек-обезьяна, сыгранный им за два года до «Подземки», в джунглях настоящих. Жаль, что уже на следующий год на него нацепили доспехи Горца, пригвоздившие его к земле, на которую он, казалось, забежал на минутку.

Клинт Иствуд в «Белом охотнике, черном сердце» (White Hunter Black Heart, 1990) Клинта Иствуда

Клинт Иствуд, кого бы он ни играл, — мужчина на все времена. В «Белом охотнике» он сыграл как бы великого режиссера Джона Хьюстона, снимающего легендарную «Африканскую королеву» (1950), укрывшего под псевдонимом Джон Вильсон. Изысканно светского хулигана, гения, снимающего свои шедевры лишь потому, что этого требуют продюсеры, дерущегося за справедливость лишь потому, что в данный момент ему так хочется. Он безразличен к окружающим его женщинам. Зачем ему женщины, если мечта Джона — убить слона.

Рокко Сиффредди в «Романсе» (Romance, 1999) Катрин Брейя

Когда феминистка Брейя пригласила на роль Паоло, латинского любовника своей героини, «жеребца» Рокко Сиффредди, звезду сотен порнофильмов, это вызвало скандал. Между тем Сиффредди — идеальный мужчина. Неутомимую сексуальную мощь он совмещает с искренней любовью ко всем женщинам на земле. Это чувствуется в самых жестких из поставленных им порнофильмов. Просто в настоящее кино он пришел окольным путем. Недаром же свой псевдоним он сочинил в честь Алена Делона, сыгравшего современного князя Мышкина в «Рокко и его братьях» (1960) Лукино Висконти, и Жана-Поля Бельмондо, проказника-гангстера Сиффредди из «Борсалино» (1970) Жака Дере.

по радио таинственные послания («Птица поет пальцами»), проходил сквозь зеркало и выводил из ада Эвридику. В жизни же любитель зрительниц любил лишь своего наставника Жана Кокто. А на экране его любила лишь прекрасная Смерть (Мария Казарес) с глазами, нарисованными на веках.

Фрэнк Синатра в «И побежали они» (Some Came Running, 1958) Винсента Минелли

Самый удачливый американец, золотой голос Штатов, Синатра упорно играл в кино непонятых неудачников. В мелодраме Минелли он отчитался за всех немногословных героев всех «потерянных поколений» XX века, которых хотели, хотя и боялись приличные девушки, но выбирали они неизменно спутниц, столь же потерянных, как и они сами. В фильме без единого крупного плана Синатра сыграл демобилизованного Дэйва Хирша, с возвращением возвращающегося на «малую родину» с рукописью романа в чемодане и гулящей девушкой под мышкой. Его угловатое, жесткое лицо притягивает не только женские взгляды, но и пули: и

только непутевая девчонка (Ширли Маклейн) заслонит его собой, испытав, умирая, любовь, которую он хотел бы, но никак не мог ей подарить.

Лино Вентура и Ален Делон в «Искателях приключений» (Les Aventuriers, 1967) Робера Энрико

Лино Вентура, очаровавший режиссеров могучей фактурой бывшего борца и обманчивой невозмутимостью, никогда не играл в фильмах «плаща и шпаги». Нервный и порывистый Ален Делон почти не играл. Но именно они, столь противоположные по своим темпераментам, «вода и пламень», в экранизации романа Жозе Джованни об искателях затонувшего самолета с золотом составили идеальную пару современным мушкетеров без страха и упрека. Отставной гонщик Ролан (Вентура) и Маню (Делон), пилот, на спор пролетевший под Триумфальной аркой, конечно, не могли обойтись без третьего мушкетера. Им стала скульптор-авангардистка Летиция (Иоанна Шимкус), которую любили они оба, и она любила обоих, не могла выбрать ни одного и, так и не выбрав, пала от бандитской пули. И единст-